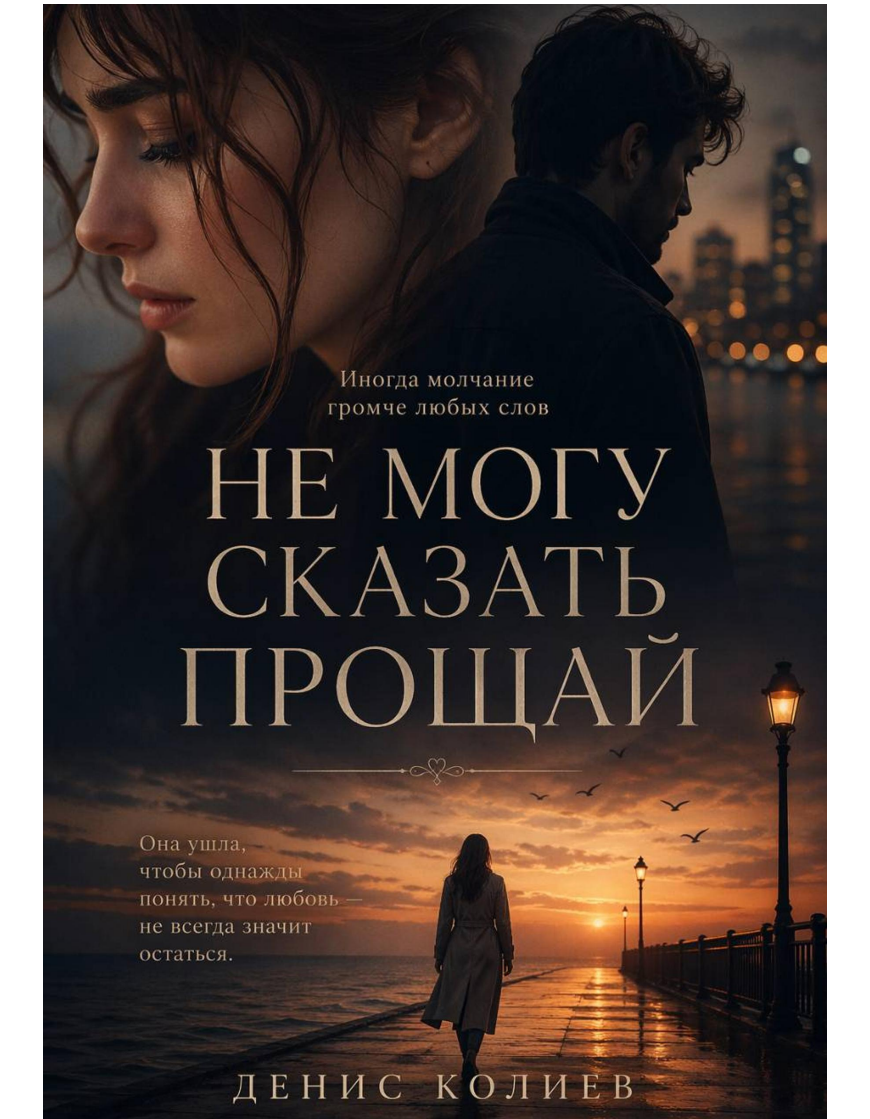

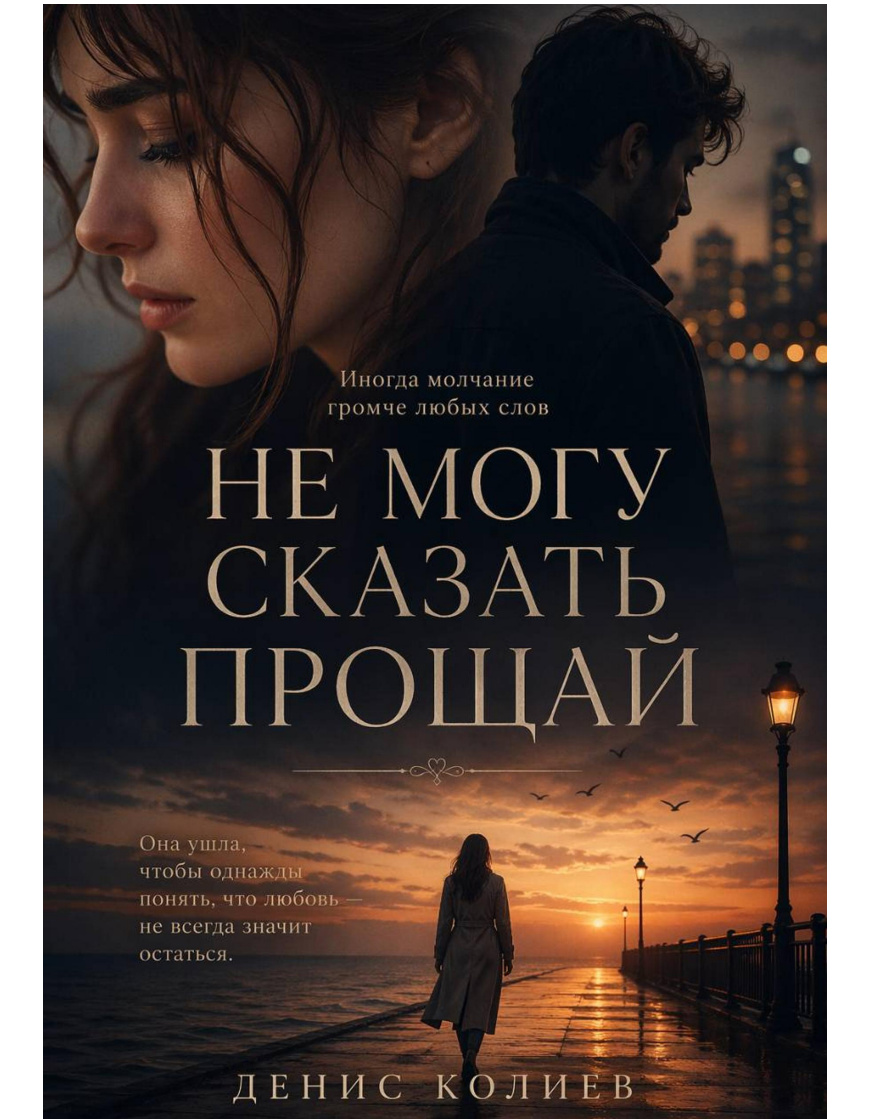

Иногда молчание
громче любых слов

НЕ МОГУ СКАЗАТЬ ПРОЩАЙ

Она ушла,
чтобы однажды
понять, что любовь —
не всегда значит
остаться.

ДЕНИС КОЛИЕВ

Денис Колиев

Не могу сказать прощай

<https://litres.ru/72710518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не роман в привычном смысле.

Это — дыхание, растянутое на семь глав.

История Маргариты и Дениса — не о любви, а о том, что остаётся, когда любовь перестаёт быть движением. Они не расстаются и не примиряются, не ищут выхода и не ищут виноватых. Они просто существуют рядом — пока воздух между ними постепенно превращается в тишину, а тишина — в свет.

Книга написана в философском стиле — без эмоций, без оценок, с холодной точностью наблюдения.

Здесь нет сюжета, как нет времени в снежной равнине: каждый абзац — это шаг к исчезновению различий между людьми, домом, воздухом и самим миром.

«Не могу сказать прощай» — это медитация о любви, памяти и неизменности человеческой природы.

О том, что люди не меняются, а лишь на время корректируют своё дыхание.

О том, что прощание невозможно, если всё вокруг уже стало частью одного присутствия.

Содержание

Пролог	4
Письмо без конверта	4
Глава 1. Порог	8
Возвращение	8
Запах мокрой земли	15
Молчание в дверях	19
Старое вино	23
Бумага желтеет молча	25
Линия руки	29
Последний свет дня	32
Глава 2. Ожидание	35
Карточный каталог	35
Письмо, не отправленное	40
Пульс телефона	42
Метеорология несвоевременности	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Денис Колиев

Не могу сказать прощай

Пролог

Письмо без конверта

Есть вещи, которые не умеют кончаться. Не люди даже, не любовь, не те разговоры, что однажды оборвались на лестничной клетке и с тех пор звучат в ушах всякий раз, когда кто-то захлопывает дверь. Вещи. Письмо, оставленное между страницами книги и забытое не потому, что стало неважным, а потому что рука не решилась вернуться к нему. Чашка с тёмной полоской у края, которую каждый год обещаешь выбросить. Ключ без замка. Фотография, где все лица смазаны, зато воздух между людьми передан с пугающей точностью.

Она знала это слишком хорошо. Она умела выбрасывать сломанные предметы и не умела расставаться с тем, что внешне оставалось целым. Её квартира поэтому казалась пустой, если смотреть быстро, и переполненной, если задержаться взглядом: на подоконнике — камень с берега, где они однажды молчали весь вечер; в ящике стола — билет на по-

езд, давно потерявший цвет; на внутренней стороне шкафа — маленькое пятно от скотча, которым Денис приклеивал список покупок, уверенный, что так будет «надёжнее».

Пятно держалось лучше их договорённостей. В нём было что-то унижительное и честное. След клея порой переживает человеческую верность. Бумага, оторванная от стены, оставляет больше доказательств, чем человек, который ушёл.

До встречи у остановки Маргарита несколько месяцев жила в ровном, благопристойном одиночестве. Она ходила на работу, покупала хлеб, иногда разговаривала с соседкой у лифта, иногда просыпалась среди ночи и слушала, как дом скрипит трубами. Это была жизнь без крупных событий, но не без смысла. Смысл в таких жизнях прячется не в поворотах сюжета, а в повторяемости: утром закипает чайник, вечером гаснет лампа, в пятницу в магазине меняют ценник на яблоки. Человек удерживается не надеждой, а порядком.

Её порядок был выстроен осторожно. Ничего лишнего на столе. Пальто — всегда на левом крючке. Книги — корешками наружу, не по алфавиту, а по внутренней географии: рядом стояли те, которые пережили один и тот же год. В спальне она держала только один стул, потому что второй настоячиво напоминал бы ожидание. На кухне — две чашки, но пользовалась она одной. Вторую не выбрасывала не из сентиментальности: хорошая глина, ручная работа, тонкая глазурь с серым краем. Вещь не виновата, что когда-то принадлежала двоим.

В тот день, когда Денис вернулся в город, Маргарита ничего не предчувствовала. Люди любят потом приписывать судьбе предупреждения: дрогнувшее зеркало, птицу на подоконнике, странный сон. Но день был обычен до жестокости. На работе завис принтер, коллега принесла пирог с черносливом, начальник говорил о сроках так, словно сроки — живые существа и их можно пристыдить. За окном с утра висела сырость, та особенная осенняя взвесь, когда город выглядит вымытым, но не чистым.

Только ближе к вечеру, уже собирая сумку, Маргарита услышала запах улицы до того, как вышла на неё: мокрое железо, пыль, листья, тёплый камень подъезда. Запах всегда появляется раньше памяти. Его нельзя отговорить логикой, нельзя убедить, что всё давно прошло. Он входит без стука и сразу находит в теле нужную дверь.

Она закрыла кабинет, спустилась по лестнице и вышла к остановке, где воздух был густой и низкий. Город двигался как обычно: автобусы шипели тормозами, студенты спорили у киоска, женщина с красным зонтом ругалась по телефону. И всё-таки в картине уже была трещина. Маргарита ещё не знала, что изменилось. Она лишь почувствовала: привычная расстановка предметов нарушена — в комнате ночью переставили стул.

Потом она увидела Дениса.

Удивление не ударило сразу. Оно поднялось изнутри медленно, телесно — как холодная вода в подвале. Сначала ноги

продолжали идти, потом дыхание запоздало, потом взгляд стал точным до болезненности. Он стоял у остановки в тёмном пальто, чуть сутулый, с руками в карманах. Не призрак и не воспоминание. Человек из плоти, усталости, случайно сжатых губ. Человек, которого она знала слишком близко — до неловкости.

Автобус подошёл к остановке и закрыл его на несколько секунд. Когда двери снова разъехались, Денис остался на месте, и город почему-то не забирал его в общий поток.

Глава 1. Порог

Возвращение

Маргарита увидела его раньше, чем успела понять, что заметила. У остановки, где обычно торчали студенты и две женщины с одинаковыми тележками, стоял он — в тёмном пальто, чуть сутулый, с той самой привычкой держать руки в карманах: не грелся, прятал их от разговора.

Она шла с работы привычной дорогой: через мостик, мимо аптеки, мимо лавки с жестяным навесом, по которой ветер стучал в сырую погоду. Осенний вечер был блёклый, без красок, как вымытая фотография. Воздух пах мокрым железом и листьями. До дома оставалось семь минут. До прошлого оставался один взгляд.

Маргарита не остановилась сразу. Тело ещё несколько шагов жило по инерции, как живёт поезд после торможения. Только потом она замедлилась. Денис поднял голову. Их глаза встретились, и весь шум улицы на секунду провалился куда-то вглубь, город нырнул под воду.

Он изменился не сильно, но достаточно, чтобы это резануло. Лицо стало суше, кожа потемнела, возле рта залегли складки, которых раньше не было. И всё-таки это был он: тот же наклон головы, то же спокойствие, похожее на тщательно

выученную роль.

— Привет, — сказал он.

Она кивнула:

— Привет.

Глупые слова. Зато первые, когда главное говорить нельзя.

Он посмотрел на неё внимательно, без улыбки.

— Ты совсем не изменилась.

— Врёшь.

— Ладно. Изменилась. Но я всё равно узнал сразу.

Маргарита только пожала плечом. Ей не хотелось облегчать ему задачу. Пусть сам ищет интонацию, если пришёл.

— Ты куда? — спросил он.

— Домой.

— Можно я пройдусь рядом?

Она ответила не сразу. Сказать «нет» было бы проще. Сказать «да» — честнее. Она выбрала честность, хотя давно ей не доверяла.

— Недолго.

Они пошли вдоль трамвайных путей, не касаясь друг друга. Сначала говорили о безопасном: о том, как перекопали набережную, как у старого рынка снова сменили вывеску, как общий знакомый уехал в Тюмень и зачем-то открыл там кофейню. Разговор звучал прилично. Только под ним оба слышали другое, главное, и оно мешало дышать свободно.

— Я думал, ты переехала, — сказал он.

— Я тоже думала. Но не переехала.

— Почему?

— Не всё требует красивой причины.

Он коротко усмехнулся. Эту её манеру — отвечать так, чтобы собеседник сам додумывал остальное, — он когда-то любил. Потом стал от неё уставать. Поэтому они и не сберегли друг друга: хорошо знали, куда бить.

У сквера Денис кивнул на кафе.

— Зайдём?

На улице холодно.

Маргарита хотела отказаться. Но отказы тоже что-то обещают, а обещать ему она ничего не собиралась. Поэтому вошла первой.

Внутри всё осталось прежним: тусклые плафоны, узкие столики у окна, кофемашина сердито шипела и варила не кофе, а чью-то обиду. Они сели у стены. Официантка принесла меню, но оба даже не открыли.

— Чёрный, без сахара, — сказала она.

— Американо, — сказал он.

Когда девушка ушла, между ними осталось только то, ради чего они сюда и зашли.

— Где ты был все эти годы? — спросила она.

Денис повёл плечом.

— Работал. Мотался. Жил, как живётся.

— Убедительно не звучит.

— А ты ждала отчёта?

— Нет. Но раз ты появился, хотя бы не начинай с дежурных формулировок.

Он помолчал, глядя на стол.

— Ладно. Я был в разных местах и в одном и том же состоянии. Так честнее.

Кофе поставили перед ними. Маргарита взяла чашку обеими руками, чтобы занять пальцы.

— Почему ты тогда ушёл? — спросила она.

Теперь он ответил слишком быстро — видно, давно держал эту фразу наготове:

— Потому что рядом с тобой постоянно чувствовал себя человеком, которым не являюсь.

— Каким?

— Более собранным. Более сильным. Более... Взрослым. Ты смотрела на меня как на человека, которому надо дотянуться до этой версии. Сначала мне это нравилось.

Потом стало тесно.

Маргарита отпила кофе. Он был крепкий и чуть горчил.

— Ты очень удобно всё устроил, — сказала она.

— Получается, виновата моя вера в тебя.

— Нет. Я ей не соответствовал.

— Тогда можно было говорить, а не исчезать.

— Я и сейчас говорю с трудом. Ты это видишь.

— Вижу.

Он провёл ладонью по столу, проводя пальцами по царапинам на древесине.

— А ты? — спросил он.

— Почему не удержала?

Маргарита посмотрела на него впервые по-настоящему, без защиты.

— Потому что не удерживают тех, кто уже вышел из комнаты. Даже если он ещё стоит в дверях.

Фраза осталась между ними — тяжёлая, простая. Раньше они бы непременно начали её разбирать, искать в ней второе дно. Теперь оба молчали, и ложечка на блюде тихо дрожала.

За окном начинался дождь. Люди прибавляли шаг, поднимали воротники. В кафе стало теплее, чем следовало, и от этого ещё отчётливее ощущалась неловкость.

— Я часто думал о тебе, — сказал он.

— Это ничего не меняет.

— Знаю.

— Тогда зачем говоришь?

Он поднял глаза. В них не было ни красивой тоски, ни привычной для него глубокомысленной усталости. Только человек, уставший от самого себя.

— Потому что иначе мой приход совсем бессмысленный. Маргарита усмехнулась:

— А так он становится осмысленным?

— Нет. Но хотя бы честным.

Она помолчала. Потом спросила:

— Ты счастлив?

Вопрос застал его врасплох сильнее, чем всё предыдущее.

Денис потер переносицу и ответил не сразу:

— Нет.

— Я тоже не особо. Но это не повод снова ломиться друг к другу.

Он кивнул так, как кивают люди, заранее готовые к отказу.

Они допили кофе молча. Когда вышли, дождь уже набрал силу. Асфальт блестел под фонарями, машины резали лужи белыми фарами. Они прошли ещё квартал и остановились у перекрёстка.

— Мы могли бы попробовать ещё раз, — тихо сказал он.

Маргарита даже не удивилась. Ради этой фразы он, видимо, и прошёл сегодня весь путь от остановки до её дома.

— Нет, — ответила она.

— Даже не подумаешь?

— Я уже подумала. Мы бы не начали сначала. Мы бы аккуратно повторили то, что однажды уже развалилось.

— Люди меняются.

— Да. Но не всегда в ту сторону, которая спасает двоих.

Он поднял на неё взгляд долго, с тем выражением, которое когда-то обезоруживало: смесь вины, нежности и собственной правоты. Раньше она принимала это за глубину. Теперь видела привычку.

— Ты стала жёстче, — сказал он.

— Нет. Устала слушать слова, за которыми ничего не следует.

Светофор мигнул зелёным. Маргарита затянула шарф по-

туже.

— Мне пора.

— Марго...

Она подняла взгляд.

— Не надо. Ни сегодня, ни потом — не с этой интонацией.

Он опустил голову и коротко кивнул. Ей стало жаль не его, а то время, когда от этого кивка у неё сжималось сердце.

Они разошлись без прощания. У каждого была своя сторона улицы, свой темп, свой воздух. Уже у подъезда Маргарита поймала себя на том, что не оглянулась. В подъезде пахло мокрой шерстью и краской. Она стряхнула с шарфа воду и только тогда выдохнула.

Запах мокрой земли

К утру дождь прекратился почти незаметно. Во дворе остались широкие лужи: в них дрожали балконы, пожарная лестница и рваный кусок неба. Маргарита открыла окно, и в комнату потянуло сырой землёй — тем запахом, от которого лицо у людей на секунду меняется: становится мягче, беспомощнее, как в возрасте, когда для потерь ещё не было нужных слов.

Она когда-то читала, что у этого запаха есть имя — петрикор. Слово было красивым для такой простой вещи: дождь, пыль, сухая земля, первая влага. В статье говорилось, что австралийские исследователи в шестидесятых годах описали масло, которое растения и почва отдают воздуху после сухих дней. Позже в этом запахе стали узнавать геосмин — вещество, которое создают почвенные бактерии, настолько заметное человеческому носу, что иногда кажется: земля разговаривает раньше, чем намокает.

Она тогда закрыла журнал и подумала, что наука иногда делает с миром то же, что любовь: называет неуловимое, не лишая его тайны. Петрикор не перестаёт быть чудом оттого, что его разложили на молекулы. Как и память не перестаёт мучить, если объяснить её работой мозга.

Запах мокрой земли сегодня был особенно резким. Он поднимался от газона, от щелей между плитами, от почер-

невших клумб, где ещё вчера лежали скрученные листья. На соседнем балконе кто-то вытряхнул коврик; с него посыпалась пыль, сразу приглушённая влагой. Внизу мужчина в серой шапке присел у колеса машины и долго смотрел на спущенную шину так, словно пытался уговорить её не быть фактом.

Она стояла у окна и думала о том, что запахи — самые непорядочные свидетели. Они не спрашивают, готов ли ты. Музыка можно выключить, фотографию убрать, письмо сжечь, номер телефона удалить. Но запах входит через тело. Он не нуждается в согласии, потому что память, вызванная им, уже не мысль, а мгновенная перемена воздуха внутри грудной клетки.

Она вспомнила кухню Дениса в первый год: мокрую тряпку на батарее, дешёвый табак у окна, лимонную кожуру в сахарнице, потому что он верил, что сахар так «становится живее». Вспомнила, как после дождя они возвращались домой без зонта, спорили из-за трамвая и смеялись уже в подъезде, потому что спор оказался бессмысленным: оба промокли одинаково. Тогда он сказал, что город после дождя пахнет новой кожей. Фраза была неловкая, но ей понравилась. Она запомнила не слова, а то, как он произнёс их, поднимая воротник: с важностью человека, который сделал открытие и боится, что его опередят.

Теперь тот же запах не возвращал счастья. Он возвращал точность. Она увидела не «их время», не красивый общий

снимок, а мелкие, почти незаметные детали: носок, сушившийся на батарее; пятно на его книге; то, как Денис, ожидая чай, стучал ногтем по столу, хотя уверял, что терпеть не может лишних звуков. Она хранит человека не в парадной форме, а в домашнем беспорядке.

В полдень Маргарита вышла за хлебом. Воздух был холоднее, чем обещали. У подъезда стояла соседка Валентина Петровна — в пальто нараспашку, с сеткой, где лежал пучок укропа и две баночки сметаны.

— Землёй пахнет, — сказала соседка — как продолжение разговора, которого между ними не было.

— Как в деревне после грозы. У нас там, бывало, лошадей выводили, и всё сено сразу оживало.

— В городе тоже бывает, — ответила она.

— Бывает, — кивнула Валентина Петровна.

— Только тут всё быстро портится. Даже запах.

Они помолчали. Соседка не знала Дениса, не знала вчерашней встречи, не знала, что иногда простая фраза попадает в место, куда не достали бы самые тонкие объяснения. «Даже запах» — вот как можно было сказать о прошлом. Оно появляется свежим и почти невинным, а потом быстро портится, если держать его опасно близко.

В магазине Маргарита выбрала хлеб с хрустящей коркой, постояла у полки с яблоками и заметила, что выбирает не свои любимые, а те, которые когда-то брал Денис: плотные, кисловатые, зелёные. Рука уже потянулась к пакету, но она

остановилась. Взяла другие — маленькие, жёлтые, с пятнами. Пакет тихо шуршал в её руке.

По дороге домой ветер поднял с земли мокрый лист и прилепил к её ботинку. Маргарита наклонилась, сняла его, и на пальцах остался тёмный след. Запах усилился — земля, дождь, гниение, начало будущей весны. Она вытерла пальцы о салфетку и пошла дальше.

Дома она положила хлеб на стол, вымыла руки и ещё долго чувствовала на коже запах улицы. Он не был приятным. Он просто держался на коже.

Она открыла тетрадь и записала: «Дождь прошёл. Земля осталась».

Она закрыла тетрадь, положила ладонь на обложку и прислушалась к кухне: в трубах прошёл короткий стук, за окном сошла вода с карниза.

Молчание в дверях

Дом встретил её обычным набором звуков: глухим щелчком замка, шорохом пакета, скрипом половиц у порога. В такие вечера квартира особенно ясно показывала свой характер. Она ничего не утешала, не обнимала, не обещала. Принимала обратно человека, который устал быть собранным на людях.

Она сняла пальто, повесила его на крючок, поставила ботинки ровно, носами к стене. Жест был автоматический, детский. С детства в ней жило суеверие: если вещи стоят правильно, с днём ещё можно договориться. С годами оно не исчезло, только стало незаметным.

На кухне она включила чайник и, пока вода набиралась, поймала себя на странной мысли: сейчас телефон должен подать голос. Не оттого, что Денис из тех, кто пишет сразу. Как раз нет. После таких встреч мозг долго не верит, что сцена закончена. Он ждёт реплику из-за кулис.

Телефон лежал на столе экраном вверх и молчал без кокетства.

Она заварила чёрный чай, села у окна и долго смотрела, как по стеклу бегут тонкие струйки дождя. Во дворе сосед заталкивал велосипед под козырёк подъезда; у второго подъезда девочка в жёлтой куртке скакала через лужу, пока её мать раздражённо искала ключи. Обычная жизнь была заня-

та собой и не замечала чужих катастроф. Маргарита любила в этом городе это — равнодушие без злобы.

Она отпила чай. Он оказался крепким. Пришлось разбавить кипятком.

«Мы могли бы попробовать ещё раз».

Фраза всё ещё звучала в ней не как предложение, а как поздно доставленное письмо. Не ко времени, не по адресу, с чужим почерком на конверте. Он произнёс её с усилием — это было видно. Но усилие — не то же самое, что решение. Денис всегда умел доходить до края, а потом объявлять сам край событием.

Она поставила чашку в мойку и прошла в комнату. Не включила верхний свет, только лампу на столе. Ей не хотелось, чтобы вечер распахнулся целиком. Достаточно было небольшого круга тёплого света — для тетради, для чашки, для руки.

На полке стояла коробка со старыми бумажками и мелочами, которые она всё обещала разобрать. Сегодня рука сама потянулась к ней. Она сняла коробку, села на ковёр и стала перебирать содержимое без особой цели: старые чеки, билет в кино с нечитаемой датой, пуговица от пальто, ключ от уже несуществующего почтового ящика, открытка без подписи. Никакой трагедии в этих предметах не было.

В коробке нашлась их старая фотография — из тех времён, когда они ещё не успели надоесть друг другу собственной близостью. Снимок был неудачный: кто-то дёрнул каме-

ру, лица вышли смазанными. Но поэтому фотография сохранилась. Слишком честная, чтобы украсить альбом, и слишком живая, чтобы выбросить.

Маргарита посмотрела на неё и вернула обратно. Не из боли — из нежелания врать себе. Она знала этот соблазн: если долго разглядывать старое, можно принять его за недозжитое. А это самая простая ловушка.

Телефон по-прежнему молчал. Она взяла его, разблокировала, пролиستала ленту новостей, не прочитав ни строчки, и снова отложила. Потом поймала своё отражение в тёмном стекле. Лицо было спокойное. Чужое.

— Ну и чего ты ждёшь? — спросила она вполголоса.

Ответа не было. Только тише стало.

Она пошла в ванную, умылась холодной водой, вернулась в комнату и остановилась в дверном проёме. Её всегда тянуло задерживаться на порогах: порог не требует решения. Ты ещё не внутри и уже не снаружи. Для людей, которые боятся ошибиться, это идеальное состояние.

За стеной кто-то включил телевизор. Чужой смех, плохо приглушённый стеной, на секунду сделал её одиночество бытовым, не драматическим. Это тоже облегчало дыхание.

Она снова села к столу, открыла тетрадь и написала одну строчку: «Он вернулся не ко мне. Он вернулся к месту, где однажды не выдержал». Перечитала, поморщилась и зачеркнула. Гладко. Умно. Похоже на фразу, которую приятно потом вспоминать.

Она перевернула страницу и ничего не написала.

Пустая страница белела под лампой.

Глубокой ночью, уже лёжа в постели, она услышала, как в подъезде хлопнула дверь. Телефон не зажёгся. Никто не постучал, не позвал, не потребовал продолжения. Дождь шёл ровно, и квартира держала её молчание без усилия.

Утром на кухне обнаружили мелкие следы вчерашнего вечера: капля кофе, засохшая у блюда; мокрый край полотенца; две крошки на подоконнике. Маргарита собрала их ладонью и высыпала в раковину. Потом достала из шкафа банку с чаем. Жестяная крышка заскрипела, и этот скрип вернул ей старую кухню Дениса, где крышки всегда открывались с трудом, а на батарее сушились носки. Она закрыла банку плотнее, чем требовалось, поставила её на место, передвинула чашку подальше от края и приоткрыла форточку.

Старое вино

Скатерть зацепилась за край верхней полки. Маргарита потянулась за ней, сдвинула стопку полотенец и вдруг увидела бутылку вина. Тёмное стекло, выцветшая этикетка, пыль на горлышке — вещь давно перестала быть запасом и лежала там уже как память, которую всё откладывают.

Они купили эту бутылку вместе в первый год. Без повода, по дороге домой. Тогда им казалось, что взрослость выглядит так: поздний магазин, неспешный выбор, смех у кассы, обещание «откроем, когда будет что отмечать». Потом было много дней, которые могли подойти, и ни один не подошёл. Бутылка пережила их лучше, чем они сами.

Она поставила её на стол, долго смотрела и наконец достала штопор. Пробка вышла не сразу, крошась по краям. Запах ударил терпкий, тяжёлый, с примесью сырости. Вино старело в шкафу, как стареют непроговорённые вещи: не благородно, а упрямо.

Она налила немного в бокал. Цвет ещё держался — густой, вишнёвый, с коричневой каймой по краю. Красивее, чем вкус. Первый глоток подтвердил это сразу: вино устало, окислилось, отдало металлом и чем-то аптечным.

Она невольно рассмеялась.

— Вот так, значит, — сказала она в пустую кухню.

Она не знала, к кому обращается: к бутылке, к прошлому

или к собственной привычке хранить то, что давно лучше было бы вылить.

На секунду перед глазами всплыл другой вечер. Маленькая кухня у Дениса, занавеска, пахнувшая жареным луком, музыка из соседней квартиры, и он — молодой, упрямый, счастливый от самой возможности быть рядом. Тогда они пили дешёвое красное из гранёных стаканов, потому что бокалов в доме не было, и спорили о пустяках с таким жаром, будто от выбора фильма зависит устройство жизни. Он смеялся громко, заразительно, и в те минуты казался человеком, с которым не страшно стареть.

Она поставила бокал в раковину. Вино оставило на стекле тёмный след.

Она всё-таки налила себе ещё полбокала и села у окна. Во дворе мужчина в рабочей куртке курил под козырьком, подставив ладонь под дождь, проверяя, усиливается ли. По стеклу тянулись тонкие потёки. Кухня пахла вином, мокрым деревом и немного старой бумагой из шкафа.

Она сделала второй глоток. Лучше не стало.

Тогда она вылила остаток в раковину. Красная струя ушла в слив быстро, без следа. Она долго держала бокал под водой.

Пустую бутылку она не выбросила сразу. Поставила на подоконник, дала ей постоять до вечера, а потом вынесла к мусоропроводу. Без ритуала, без паузы на прощание. На обратном пути она вытерла ладонь о шарф: от стекла на пальцах осталась пыль.

Бумага желтеет молча

Старый лист с обведённой ладонью она всё-таки понесла в переплётную мастерскую. Не спасать — скорее услышать от постороннего человека спокойный приговор: бумага слабая, сгибы ломкие, хранить бессмысленно. Иногда легче, когда очевидное произносит кто-то в фартуке и с ножом для бумаги в руке.

Мастерская находилась в полуподвале за книжным магазином. Над дверью висела табличка «Реставрация переплёт-тов, документов, семейных архивов». Внутри пахло клеем, тканью, пылью и чем-то сухим, терпким — запахом старой бумаги, который невозможно спутать с пылью обычной. За столом сидел худой мужчина в очках без оправы и подрезал край форзаца длинным ножом.

— Не реставрация, — сразу сказала Маргарита, доставая лист.

— Хочу понять, сколько ему осталось.

Мужчина поднял глаза. Не удивился. В таких местах люди часто приходят не за услугой, а за подтверждением, что время действительно существует.

Он взял лист двумя пальцами, поднёс к лампе. Бумага стала полупрозрачной. Линия её ладони, сделанная Денисом, просвечивала как тонкая вена.

— Дешёвая целлюлоза, — сказал мастер.

— Видите, где сгиб? Здесь уже пошло разрушение. Свет — не единственная причина старения бумаги.

Она сама себя портит. Внутри со временем образуются кислоты, и лист желтеет, становится хрупким. Нейтральная бумага тоже может уйти в кислотность, если ей не повезло с составом и хранением.

Он говорил спокойно, ласково. В его голосе не было ни жалости, ни высокомерия — только уважение к материалу. Маргарита неожиданно почувствовала благодарность. В мире, где чувства превращают в метафоры, приятно услышать о разрушении без красивой лжи.

— То есть это неизбежно? — спросила она.

— Всё неизбежно, если достаточно подождать, — ответил он и улыбнулся.

— Но скорость можно уменьшить. Кислотная папка ускорит смерть, архивная — замедлит. Свет ускорит. Сухой жар ускорит. Влажность ускорит иначе. У вещей тоже есть обстоятельства.

Она посмотрела на лист. Обведённая ладонь казалась чужой. Она не помнила, чтобы её пальцы были такими тонкими. Денис тогда рисовал не руку, а то представление о ней, которое хотел удержать. У любви часто хороший глаз и плохая точность.

— А если оставить как есть? — спросила она.

— Тогда он будет жить, пока живёт. Только не складывайте больше. Сгиб — это всегда будущий разрыв.

Фраза задела её сильнее, чем должна была. Сгиб — будущий разрыв. Как удобно было бы сказать так о людях: всякий раз, когда один подстраивается под молчание другого, на месте подстройки остаётся сгиб. Пока лист новый, он кажется гибким. Потом приходит день — и он ломается там, где его чаще всего складывали.

Мастер достал тонкую папку из плотной, молочно-белой бумаги.

— Возьмите. Это не чудо, нормальная среда.

— Сколько я должна?

— Ничего. За одну папку не разорюсь. А вы не держите такие вещи в коробке с чеками. Чеки сейчас печатают на термобумаге; она живёт хуже человеческих обещаний.

Она рассмеялась, хотя смех вышел коротким.

— Вы это всем говорите?

— Только тем, кто приносит прошлое на тонкой бумаге.

На улице было ветрено. Она прижала папку к груди, и этот жест показался ей смешным: несёт не документ, не ценность, не доказательство, а контур собственной руки, обведённый человеком, которого уже нельзя было вернуть в прежний размер. В трамвае рядом сидела девочка с акварельным альбомом. На коленях у неё лежал рисунок: дом с синими окнами, дерево, солнце в углу. Девочка старательно обводила крышу, каждый раз нажимая сильно. Мать сказала: «Тише, порвёшь». Девочка не послушала.

Она отвернулась к окну. Город двигался рывками: оста-

новка, люди, реклама, пустой двор, забор, новая остановка. В стекле отражалась папка у неё в руках. Сохранить — тоже выбор. Не всё сохранённое надо возвращать в жизнь. Вещь оставляют не для слёз, а для честного места: не в центре комнаты, а в архиве.

Дома она вынула из ящика старую коробку. Чеки, билеты, пуговицы, записки лежали вперемешку, без всякой иерархии: важное, случайное, давно ненужное. Маргарита разложила содержимое на полу. Чеки выбросила. Билет в кино оставила, но переложила в конверт. Пуговицу положила в шкатулку. Лист с ладонью — в белую папку. Свою сегодняшнюю кривую ладонь — туда же, рядом, но не поверх. Два контура не совпали.

Потом она написала на папке простым карандашом: «Руки. Не складывать».

Вечером Денис прислал короткое сообщение: «Как день?» Она смотрела на экран, держа в пальцах карандаш. Ответить можно было по-разному. «Нормально». «Был ветер». «Отнесла нашу старую бумагу к мастеру». Каждая версия открывала отдельную дверь. Она выбрала самую узкую. «День выдержал».

Денис не сразу понял бы эти слова. Она положила телефон рядом с папкой, заточила карандаш и стёрла со стола бумажную крошку. Крошка прилипла к пальцу; Маргарита стряхнула её в корзину и только потом убрала папку в ящик.

Линия руки

Через два дня она заметила, что думает о Денисе не целиком, а отдельными подробностями. Не голосом, не словами, не даже лицом — руками. Это раздражало сильнее всего. Человека хочется забыть масштабно, а память выбирает мелочь и вцепляется в неё с педантичностью эксперта.

У него были приметные руки: сухие, сильные, с длинными пальцами и светлыми шрамами у костяшек. Он держал чашку всей ладонью, словно грелся не об фарфор, а об саму возможность удержать тепло. Когда нервничал, поправлял рукав большим пальцем — резко, зло. В книгах никогда не загибал страницы, только вкладывал бумажку или чек. И почему-то всегда стискивал ключи в кулаке, даже если стоял у своей двери и открывать её собирался через секунду.

Она думала об этом в автобусе по дороге на работу, потом в офисе, пока разбирала письма, потом в магазине у полки с канцтоварами, где случайно увидела ручки той марки, которые он любил. Купила одну и тут же разозлилась на себя.

— Прекрасно, — сказала она уже на улице.

— Следующий шаг — начать коллекционировать его любимые спички.

Самоирония помогла ненадолго.

Вечером, разбирая коробку на полке, она нашла сложенный вчетверо лист. Развернула — и сразу узнала. Когда-то

Денис обвёл её ладонь на тонкой бумаге. Не гадание, не шутка, не игра в судьбу. Сел напротив, попросил: «Дай руку», — и долго водил карандашом, как человек, которому нужен не рисунок, а повод задержать чужую кисть у себя на столе. Потом ещё штриховал, вводил линии глубже, добавлял тени. Подпись поставил мелко, в углу. И дату.

Она провела пальцем по старому контуру. Бумага истончилась на сгибах. В левом нижнем углу Денис когда-то написал карандашом: «линия». Без пояснений. Тогда это показалось ей смешным. Теперь — очень в его духе. Он всю жизнь любил формы больше, чем содержание. Назвать вещь — ещё не значит понять её.

Она достала чистый лист, положила ладонь и сама обвела её ручкой. Контур вышел неровный: мизинец уехал, большой палец получился короче. Она начала было исправлять, но передумала. Пусть будет так. Хотя бы один рисунок в её жизни не будет притворяться аккуратнее, чем он есть.

Рядом со старым листом она написала на новом: «Давление выдержано». Сама не сразу поняла, откуда взялась эта фраза: так ощущался весь прошедший день: не прожит, не понят, а выдержан.

Чуть позже телефон дрогнул. На экране высветилось имя Дениса.

«Можно увидеться завтра? Недолго».

Маргарита перечитала сообщение дважды. Его «недолго» она помнила хорошо: это слово у него означало всё что угод-

но, кроме времени. Оно значило только одно — он боится заранее признать важность разговора.

Она поставила чайник, вымыла чашку, протёрла стол, снова взяла телефон. Все эти промежуточные движения были нужны лишь затем, чтобы не отвечать сразу.

Наконец написала: «Хорошо. В семь. Кафе у сквера».

Отправила и тут же пожалела не о согласии, а о месте. Очевидно. Похоже на попытку замкнуть круг. Но отменять было поздно.

Всю ночь ей снились руки: чужие, свои, детские, мужские, старые. Они тянулись к поручням, перелистывали книги, закрывали окна, открывали двери, держали горячие кружки, роняли ключи. Утром у неё ныло запястье, будто она на самом деле что-то удерживала во сне.

Последний свет дня

К вечеру город прояснился. Дождь ушёл, оставив после себя чистый холод и влажный блеск на асфальте. Маргарита вернулась домой раньше обычного, переоделась и долго не могла решить, включать ли свет. Сумерки держались в комнате устойчиво, достойно, и ей не хотелось их спугнуть.

На столе лежали два листа — старый, с её ладонью, которую когда-то обвёл Денис, и новый, сделанный сегодня. Она сравнивала их не как сентиментальный человек сравнивает прошлое и настоящее, а как эксперт: где дрогнула линия, где нажим сильнее, где рука не выдержала точности. Разница бросалась в глаза. На его рисунке всё было увереннее. На её — честнее.

Она убрала оба листа в ящик, но через минуту снова достала. Это раздражало. Значит, вещь ещё держала её сильнее, чем хотелось бы.

Телефон молчал. Ни новых сообщений, ни отмены встречи, ни обычной цифровой шелухи. Маргарита поймала себя на том, что ждёт даже не звонка, а самого факта внешнего сигнала. Любой звук снаружи всегда кажется доказательством, что внутренний шум не единственный.

Она всё-таки включила лампу. Жёлтый свет лёг на стол, на книги, на край чашки, на тёмное дерево пола. Комната сразу стала меньше и спокойнее. В большом свете всегда есть что-

то разоблачающее. В локальном — пощада.

Она открыла старую переписку с Денисом. Не чтобы мучить себя и не ради ностальгии. Скорее как бухгалтер открывает архив: сверить цифры, убедиться, что ничего не потеряно и ничего не дорисовано задним числом. Сообщения оказались сухими, деловыми, бедными: «Ты где?» «Подхожу». «Купи хлеб». «Я задержусь». «Не жди». «Жду». Из такой ерунды обычно и состоит любовь, когда она ещё не знает, чем кончится.

Последней была её сегодняшняя фраза: «Давление выдержано». Отправленная без адреса, шуткой, пробой. Он не ответил. И это, странным образом, не ранило. Ответ сделал бы ситуацию проще, а простоты здесь уже не было и не будет.

Она закрыла чат и подошла к окну. На противоположной стороне улицы загорелись окна. В одном мужчина ставил тарелки на стол, в другом женщина сушила волосы, в третьем кто-то ходил из комнаты в комнату с телефоном у уха. Чужие вечера всегда выглядят устроеннее, чем свои. Но Маргарита знала цену этой картинке: за шторами у всех примерно тот же беспорядок, только расставлен по-разному.

Когда часы показали без десяти семь, она уже стояла в пальто. Но к двери подошла не сразу. Остановилась на пороге комнаты, потом в прихожей, потом у самой двери. Всё в ней сопротивлялось не встрече даже, а повтору. Не хотелось снова становиться человеком, который заранее готов оправдывать чужую неясность.

В конце концов она взяла ключи, погасила лампу и вышла. На площадке пахло сырой штукатуркой и чьим-то ужином. Снизу тянуло холодом. Маргарита закрыла дверь и на секунду прислонилась к ней лбом.

— Спокойно, — сказала она себе.

Слово вышло сухим и коротким, как щелчок замка.

Глава 2. Ожидание

Карточный каталог

Тяжёлая дверь старой районной библиотеки подалась не сразу. Маргарита вошла, отдала пальто гардеробщице и на секунду осталась в прохладном холле, где мраморные ступени глушили шаги. Сюда она пришла не за современными романами с одинаковыми обложками. Ей нужен был порядок, придуманный до неё.

В читальном зале пахло пылью, деревом и клеем. На стене висели часы с длинной секундной стрелкой; она двигалась не плавно, а маленькими рывками, и каждый рывок казался решением. У окна стоял карточный каталог — массивные ящики с латунными ручками, пережившие компьютеры, ремонты и несколько поколений читателей. Маргарита давно не видела таких. Она выдвинула ящик на букву «П» потому, что рука сама выбрала эту букву: память, прощание, пауза.

Карточки шуршали сухо. На каждой — фамилия, название, год, инвентарный номер. Ничего лишнего. Человеческая мысль, превращённая в адрес. Её всегда успокаивала эта библиотечная точность: книга может быть о страсти, войне, безумии, но в каталоге она получает ровную строчку и место на полке. Даже хаос, если его записать достаточно мел-

ко, начинает вести себя прилично.

За соседним столом пожилой мужчина работал с газетной подшивкой. Он перелистывал страницы медленно, поднимая каждую двумя руками. Газеты пожелтели так сильно, что казались не бумагой, а тонкой корой. Когда он переворачивал лист, в воздухе вспыхивал запах времени — сухой, кислый, медицинский. Маргарита вспомнила слова переплётчика о кислотах, которые бумага рождает в себе. Разрушение иногда начинается изнутри, без врага и события: материал однажды сам производит причину собственной хрупкости.

Она села за свободный стол и раскрыла тетрадь. Сверху написала: «Письмо, которое не надо отправлять». Потом зачеркнула «не надо» и оставила: «Письмо, которое можно не отправлять». Разница была важной. Не надо — запрет. Можно не — свобода.

В библиотеке легко писать, потому что чужие книги берут на себя часть стыда. Тишина здесь не домашняя, не личная, а общая; она не давит, а служит. Маргарита взяла карандаш — ручки в читальном зале не любили — и начала:

«Денис, я всё меньше думаю о том, почему ты вернулся. Раньше мне казалось, что у каждого возвращения должна быть причина, ясная и крупная, как вывеска. Теперь думаю иначе: иногда люди возвращаются не к человеку, а к месту собственного незавершённого движения. Ты не дошёл тогда до конца — ни ухода, ни любви, ни разговора. И теперь ищешь не меня, а дверь, которую оставил приоткрытой».

Она остановилась. Текст звучал умно, но не лгал. Она решила не править.

У дальнего стеллажа библиотекарь объясняла студентке, как пользоваться электронным каталогом. Девушка кивала, не слушая, и смотрела в телефон. Нынешнее ожидание лишено формы. Раньше письмо шло днями; почтовый штемпель ставил на чувства дату и маршрут. Карточка в каталоге знала полку. Телефон не знает ничего, кроме мгновения. Он не хранит расстояние, только тревогу.

Она продолжила:

«Я не злюсь на твоё молчание так, как злилась раньше. Теперь понимаю: молчание — твой способ не лгать. Слова у тебя часто работают как мостки через болото: пройти можно, но лучше не смотреть вниз. В молчании же есть хотя бы твой настоящий вес».

Карандаш притупился. Она встала к стойке, попросила точилку. Библиотекарь протянула маленькую металлическую, тяжёлую, как деталь от часов.

— Осторожно, — сказала она.

— Очень острая.

Маргарита поточила карандаш над листком бумаги. Древесная стружка легла спиралью. Её запах внезапно вынес из памяти школьный коридор: мокрые сапоги, мел, дешёвые духи учительницы, страх перед контрольной. Вот как это работает — не по порядку, не по справедливости. Одно движение, один запах — и прошлое не вспоминается, а разворачи-

вается вокруг.

Она знала, что психологи называют такие вспышки эффектом Пруста: запах оказывается короткой дорогой к автобиографической памяти, потому что обоняние связано с теми областями мозга, где эмоции и воспоминания живут особенно близко. Но знание не делало переживание менее сильным. Наоборот, в нём появлялась уважительная точность: тело помнит не хуже разума, пишет другим алфавитом.

Она вернулась к столу и дописала:

«Если когда-нибудь ты спросишь, можно ли всё начать сначала, я отвечу: сначала нельзя. Сначала бывает только у тех, кто ничего не знает. Мы знаем много — и хорошее, и устройство разрыва. Можно начать иначе. Но для этого нужно не возвращаться, а стать человеком, который способен не повторить собственную удобную боль. Я не уверена, что ты хочешь этого. И я не уверена, что хочу проверять».

Точка вышла тёмной, глубокой. Маргарита отложила карандаш.

Письмо лежало на странице. Не в телефоне, не в строке сообщения — на бумаге, под её рукой. Карандаш оставил у края серую крошку.

Перед уходом Маргарита снова подошла к каталогу и наугад выдвинула ящик. На первой карточке было название: «Искусство хранения». Она улыбнулась и задвинула ящик обратно.

На улице вечер уже темнел. Она несла письмо в тетради

и уже не боялась, что его прочитает кто-то другой. В нём не было признания, которое можно украсть. Там была граница.

Она опустила тетрадь глубже в сумку. Карточные ящики за её спиной закрывались один за другим — сухо, деревянно, без лишнего эха.

Письмо, не отправленное

Будильник ещё молчал, когда Маргарита открыла глаза. В комнате было серо, сыро, как перед затяжным дождём. Она лежала на спине и смотрела в потолок, пока по батарее где-то в глубине квартиры не прошёл короткий металлический стук. Дом просыпался по частям, а она уже давно не спала.

На кухне запахло кофе. Телефон лежал на столе рядом с сахарницей и молчал с тем достоинством, которое бывает только у вещей: без намёка, без игры. Рядом — сложенный листок, оставшийся с вечера. Записка Дениса. Она так и не убрала её, хотя ночью не раз порывалась выбросить.

Она открыла тетрадь, вывела дату и долго смотрела на пустую строку. Потом написала: «Письмо, не отправленное» — и сразу поняла, что так всё и будет. Не признание, не попытка вернуть, не просьба. Текст, которому не нужен адрес, чтобы быть правдой.

Она писала медленно, без красивостей, зло, как человек, который устал оправдывать чужую трусость и свою привязанность.

«Денис, я не хочу снова обсуждать, кто из нас ушёл первым. Ты исчез, я промолчала — на этом месте мы оба давно соврали себе достаточно. Ты вернулся не потому, что что-то понял. И я согласилась тебя выслушать не потому, что всё ещё жду. Иногда прошлое приходится впустить в дом, чтобы

увидеть его при дневном свете. В темноте оно всегда крупнее, чем есть по сути».

Она перечитала написанное и не стала править. После долгого перерыва ей не хотелось приукрашивать себя. Рука лежала на странице спокойно.

Пульс телефона

Телефон лежал рядом с чашкой, тёплый от её ладони. Когда приходило сообщение, он коротко вздрагивал, и вместе с ним вздрагивала комната — будто кто-то невидимый проверял, слышит ли она.

Она не считала себя зависимой от вещей. Она умела обходиться без украшений, без лишних встреч, без чужого подтверждения. Но телефон всё равно держала поблизости — не ради связи, а ради внезапного движения в тишине. Утро началось с вибрации. Она открыла глаза, ещё не понимая, где находится, и на секунду приняла вспышку в груди за радость. На экране оказалось системное уведомление. Реклама. Всё сразу опустело.

Она выключила звук, но телефон не убрала. Оставила под рукой, как оставляют на тумбочке лекарство, которое давно не помогает, но выбросить его тревожно. В течение дня он молчал.

Это молчание не было нейтральным. Оно имело массу — как камень, который не сдвинуть, но чувствуешь под кожей. На работе звонки раздавались один за другим, но ни один — не для неё. Люди рядом говорили, смеялись, кто-то ругался — поток звуков создавал фон, в котором её собственная тишина становилась осязаемой. После обеда Маргарита поймала себя на том, что проверяет экран каждые несколь-

ко минут. Даже не для того, чтобы увидеть что-то, а чтобы убедиться: устройство живо.

К вечеру она уже знала это движение наизусть: взгляд сам падал на экран, пальцы сами тянулись к стеклу. Когда-то Денис сказал:

— Молчание — тоже общение, без гарантий.

Тогда она промолчала. Позже ей часто вспоминалась эта фраза. К вечеру телефон разрядился. Она подключила зарядку, и мягкий свет экрана разлился по столу. Маргарита села на диван. В тёмном стекле отразилось её лицо — неподвижное, будто она слушала что-то очень далёкое.

Она не ждала Дениса — так, во всяком случае, говорила себе. Телефон лежал рядом, тёмный и тёплый от её ладони.

В девять вечера экран вспыхнул. Сообщение: «Ты не против, если я позвоню позже?» Она прочитала дважды.

Слова были нейтральные, деловые. Но между ними — напряжение, которое невозможно скрыть. Не просьба, не вопрос — проверка. Она набрала ответ: «Позже — это когда?» и не отправила. Удалить — проще, чем написать. Вместо ответа она выключила экран. Тишина снова вернулась — густая, уверенная, как воздух перед дождём.

Телефон лежал рядом. От него шло слабое тепло — от электричества, от её пальцев, от слишком долгой привычки ждать.

Она вспомнила времена, когда писала письма на бумаге, ждала ответа неделями. Тогда ожидание было растянуто во

времени, и в нём было место для мысли.

Сейчас — секунда, максимум две. Современная тишина стала мгновенной. И потому — невыносимой. Она поднялась, пошла на кухню. На столе остался телефон. Шум воды из крана заглушал его возможное звучание.

Чтобы не слышать, приходится создавать шум — любой, даже механический. Она вымыла чашку, выключила свет и вернулась. Экран был тёмный. Пальцы сами коснулись кнопки. Ничего. Тогда она перевернула телефон экраном вниз; жест напомнил детство — закрыть глаза, чтобы спрятать мир. Прошёл час. В комнате стало глухо. Она устала, как устают на остановке, когда транспорт уже не придёт, но уйти всё равно не решаешься. После полуночи телефон дрогнул снова. «Извини. Засиделся. Хотел услышать твой голос». Она не ответила — не из гордости, а из осторожности: любая фраза открывала дверь, которую потом пришлось бы закрывать обеими руками.

Она смотрела на экран. Маленький прямоугольник стекла удерживал между ними всё, чего они не решались произнести вслух.

Она набрала короткое: «Поздно». И отправила. Экран погас. Телефон остался на столе, а Маргарита легла на диван, не снимая пледа. За стеной включили телевизор; чужие голоса текли ровно, заполняя щели вечера. Она закрыла глаза.

Каждый раз, касаясь экрана, она задевала старый синяк: боль была не острой, но живая. Она вспомнила одну из их

ранних переписок. Денис тогда написал:

«Не отвечай, поставь точку. Мне важно знать, что ты прочитала.» И она поставила точку. Ничего не добавила. Телефон погас; на стекле остался тёплый след пальца.

Она уснула под слабый звук дождя. Сон был ровный, без образов. Ближе к утру ей почудилась вибрация телефона; она взяла его в руки, но экран оставался тёмным. Под пальцами бился её собственный пульс.

Метеорология несвоевременности

Странный июньский снег не выходил у Маргариты из головы. Она стала открывать прогноз чаще, чем требовалось человеку, который всё равно забывает зонты, носит шарф до последнего и распахивает окна вопреки температуре. Ей было любопытно, как люди пытаются заранее договориться с небом, которое всё равно приходит сверху без объяснений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.